

ВИТАЛИЙ ЮДИН

Палитра

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Виталий Юдин

Палитра. Избранная лирика

«Издательские решения»

Юдин В.

Палитра. Избранная лирика / В. Юдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835131-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Название «Палитра» говорит о многообразии красок и оттенков, которые автор адресует читателям, в отображении чувственного восприятия, действительности. Здесь и любовная лирика — «Я в памяти все дни перебираю, как четки из пылающих углей», и пейзажная — «Покуда ночь не разломили ладони солнечного дня», романсы, трогательные посвящения И. Мандельштаму, А. Вознесенскому. Автору можно доверять, поскольку он ещё и художник, следующий завету поэта Н. Заболоцкого: «Любите живопись, поэты!» Любит! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835131-0

© Юдин В.
© Издательские решения

Содержание

В апогеи эгоизма	6
Драцена	7
Девочка с персиками	8
Из Джойса. Улисс. Часть 2. Эпизод 8	9
Стихия	10
Весенние сны	11
Вакуум	12
Сгорело солнце	13
Поминки по зиме	14
Совокупление рук	15
Бересклет	16
В другой ищущи твои черты	17
Замок	18
В Лувре	19
Интернат	20
В метро	21
В Писанье душа в сорок дней улетает	22
Письма	23
Все звёзды потеряем	24
Муравей	25
Я виноват	26
Нейтрализуя гнев	27
На взлёте	28
Непостижимости ума	29
Осенний натюрморт	30
Светить, увы, не получилось	31
Не оставляй меня одну	32
Голубая кровь	33
Прозрачный колер парафина	34
Я милую мою ревную к прошлому	36
Общаются души	37
Иное время	38
По жёлтым тропам перевитых труб	39
И снег не выпадет пока	40
Любовь и ад	41
Голос	43
Ты под кого-то, лезвием в нож	44
Блудный сын	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Палитра Избранная лирика

Виталий Юдин

© Виталий Юдин, 2016

ISBN 978-5-4483-5131-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В апогеи эгоизма

Мы бросились
друг к другу, в руки,
Как – будто бы, после войны,
За подвиг верности в разлуке —
друг другом
в ночь – награждены.

Все наши помыслы и планы —
любви одной подчинены:
галактики, столицы, страны...
не важно, как удалены.

Мы, в апогеи – эгоизма:
ни с кем, ни что, не разделив,
в одну сливаем наши жизни
и кровь, и поцелуи – слив.

И в тонкой, сказочной реторте,
где бродит страсти реактив —
мы были счастливы!
Не спорьте.
Ну, если только, разлюбив.

Толковый словарь Ушакова

РЕТОРТА, (лат. retorta, букв. повернутая назад)

Сосуд с длинным отогнутым горлом, употребляемый для перегонки

Драцена

Драцена, зацвела у нас!
Драцена —
пятнадцать лет молчала и —
цветёт,
как будто время подошло: – На сцену!
Сова, что стерегла её, зовёт.
Так ночью мы увидели воочию,
сквозь занавес прозрачный из стеблей,
свои цветки пахучие ворочая,
тёк в белой пене молодой ручей.
Ни днём для пчёл, шмелей,
а только ночью,
когда никто к тычинкам не прильнёт,
цветы раскрывшись, трепетно и сочно
заваривают свой душистый мёд.
Смола с ветвей вдогонку ароматам,
прозрачна как роса, как кипяток,
стекает вглубь соцветий,
бриллианты,
закалывая в каждый лепесток.
Не в шуме суеты, где фальшь и блёстки,
Притворной страсти и духов полёт.
В расплавленном луной полночном воске
ночная гостья чудо создаёт.

Девочка с персиками

В России персики не зреют,
здесь мало солнца, чтобы зреть.
К Серову, вытянувши шеи,
идём на персики глядеть.
Но, завладев передним планом,
они не украшали стол:
ОНА!
Подсвеченная рамой
глядела девочка в упор.
От розового одеянья,
банта с горошками на нём,
от блика на щеке – сиянье
соподчиняло всё кругом.
Парижской школы – обаянье,
восторга в горле твёрдый ком.
Застыв в парящем развороте
она, держала сжатым ртом,
все взгляды зрителей напротив,
разверзнутых перед холстом.
Пять стульев находились рядом
в картине разместясь с трудом.
Кто должен был прейти из сада
и больше не вернуться в дом?
И каждый юный посетитель,
ища для приглашенья шанс,
встречал взгляд девочки: Простите!
Я жду не Вас, Я жду не Вас.

Из Джойса. Улисс. Часть 2. Эпизод 8

Укрылись под магнолией, на мысе.
Качает небо дремлющий залив,
в нём зарослей струящиеся выси
тёмно-лиловый, на волне, отлив.
Нет никого. И – щекоча, ни звука,
жучки, из вереска, сползают по руке.
– Ты, всё мне изомнёшь! – Сказала сухо
и губки вытянув, к моей прильнув щеке.
– Какое чудо! И печенье с тмином,
которое жевала, ко мне в рот,
подсунула и массою противной,
я наслаждался, полный идиот.
И губы с нежной клейкостью лукама,
меня ласкали, волю дав, моим.
Лишь камешкам, осыпавшимся с шумом,
всё слышно было, что мы говорим.
– Возьми меня! – глаза полны желания,
её душистая, прохладная рука
меня касалась и озноб касания —
по всем спинным прошёлся позвонкам.
Лёжа на ней, неистово и пылко,
я целовал, как нежные цветки:
и шею, где, вздымаясь, билась жилка,
и груди полные и твёрдые соски.
Поддавшись вся, мне волосы ероша,
она не шевелилась. Тишина.
Коза. В рододендронах.
С млечной ношей.
Вдали от хутора.
Заблудшая. Одна.

Стихия

Стихия. Коктейль подавали горячим —
пылала земля и торфяников приторный дым
окутал Москву. Месяц, крошками звезд перепачкан,
как долька лимона в бокале со льдом голубым.
Стихия... Тебя в моей жизни не будет.
Пойдем это позже, увидев – космический взрыв
разводит планеты, обнявшись, прощаются люди,
в надежде терзая молитвенный речитатив.
Стихия...
На этом сошлись и расстались.
Стихия, судьба – нам по жизни тащить этот скарб.
Те камни, что с моря привез, и которыми мы любовались —
фонят до безумия, счетчик-дозиметр слаб.
Кто создал магниты в диполем, диполемном царстве,
нас тянет друг к другу,
нас в разные стороны рвет.
Всю жизнь, проведя в бесконечных долгах и мытарстве,
блажен, кто успеет, и счастье свое обретет.
Плохое – забудем, пока еще живы, забудем,
Запомним – хорошее, силы дававшее жить,
но в прошлом – язычники,
как магнетически любим
все то, что стихией имеет намеренье быть.

Весенние сны

Так бывает весною, под утро,
как из сумки, шурша, почтальон,
ночь, подует в коробочку с пудрой,
извлекая клубящийся сон.

Там, друзья, никогда не предавшие
и возлюбленных женщин глаза,
без намёка какой-либо фальши
и винить никого нельзя.

Там, обнимемся и заплачем,
снова искренни и легки,
а неловкостей —
теннисный мячик,
не оттянет, в подаче, руки.

И глаза открывать
страшновато:
расставаясь с собой молодым,
в лессировках тончайших сфумато,
исчезающим, словно дым.

Вакуум

В душе появился вакуум?
Врачи твердят о своём:
Лечитесь – цветением маков,
черёмуховым дождём,
весенним реки разливом,
живым родниковым ключом.
Почувствуйте скрытые силы.
– Почувствовали?
– Течём!
К росинкам прильните —
примите.
А утром – в овсы,
босиком...
Как с ложки микстуру,
сглотните —
увиденное кругом.
Достаньте из тины озёрной
кувшинку, корягу, леща:
вот так, впечатлений зёрнами —
засеивается душа.
Без – зависти, злобы, цинизма,
всего, от чего душа,
иных, покидая при жизни,
от вакуума —
ушла.

Сгорело солнце

(«СТИКЛИ» Стихотворный клип)

<https://www.youtube.com/watch?v=NMz3QZtjetI>

Сгорело солнце – угли разгребаю.
В Москве пиратский абордаж теней.
Я в памяти все дни перебираю,
как четки из пылающих углей.

Сейчас состав из привокзальной ночи
рванет на сцепке человечесий вой,
в котором скрыты, словно в многоточье,
«любимая моя», «любимый мой».

И, кажется, в кругу чередований
не изменим светил небесных ход,
но солнце, очумев от расставаний,
однажды и на западе взойдет.

Поминки по зиме

В конце зимы —
Земли и Солнца встреча:
проталин плачи, оторопь стеблей,
ручьев, едва лишь слышимые речи,
и уток клёкот, танцы лебедей.
Чем солнце выше, обнажённой плечи
бесстыдно выступающих холмов,
а снег всё ниже и прикрыться нечем
под иллюзорным платьем облаков.
Сползают с крыш слежавшиеся груды
спрессованных,
легко скользящих льдин,
с таким же, как лавины, сходят
гулом —
один в один.
И голоса у птиц на ноту выше
и попрошайство корма за окном,
чтобы хозяин выглянул, услышал:
нам голодно,
мы прилетели,
ждём.
Как жили мы без солнечного света,
без ярких бликов цвета на стене,
без ожиданья приближенья лета?
Всё – кончено!
Поминки по зиме!

Совокупление рук

(«СТИКЛИ» Стихотворный клип)

<http://www.youtube.com/watch?v=v1IHtzuGZWo&feature=youtu.be>

В моей руке желания тепло,
твоя рука в тазу водой плескала-
пожмём же руки, чтоб тепло, лаская
с моей руки в твою перетекло.

В друг друга вжаты, вдавлены, вот так-
совокупляясь на людях при свете
зачатью непорочному дан знак.
В порочности не виноваты дети-
какой с детей невинных, сладких спрос?
– Да, Магдалина? Да, дитя Христос?

Совокупление рук?

Немыслимо...

А вдруг?

Бересклет

Куст обретает
цвет внезапно
карминным полыхнув огнём,
горящей в ореоле залпа
листвой, рассыпанной на нём.

На пальцах рубце видных веток —
небрежно колотый рубин.
Не перепутать бересклета —
свечение,
с любым другим.

Его огня
везде хватило:
и, засияло во весь рост,
осенних роц паникадило —
свечами восковых берёз.

Кружа над голыми кустами
серёжек ядовитых плод,
с каймой обвитыми краями,
весной малиновка склюёт.

В другой ищут твои черты

(романс)

<https://www.youtube.com/watch?v=HRXC8c8xIio>

В другой ищут твои черты.
Они легки, неуловимы.
Достаточно назвать любимой,
чтобы понять, она не ты.

Могу до полночи бродить
и сном волшебным забываться,
но стоит лишь поцеловаться,
чтоб можно было... позабыть.

Иль память стала подводить?
Вот снова кто-то в дом стучится.
Достаточно нам обручиться,
чтоб никогда уж не любить.

Замок

*Посвящается Алле Демидовой
«Я и сейчас скажу. Мной выстроенный, рухнул замок»
Алла Демидова.
(передача: «ВЕЧЕРНИЙ УРГАНТ», на 1 канале ТВ)*

«Мной,
выстроенный»,
(скорбно),
«Рухнул замок!»
Остался только от ворот замок,
И холодок из виртуальных залов,
И маленький для чтений – флигелёк.

В руинах стен, ампириного размаха,
Корпускул, ниспадающих, песок,
И страусы в саду на цепких лапах,
И плитами заваленный восток.

Мой флигелёк, я убрала цветами,
Они на стеблях
с лепестками строк.
«Как хорошо, что я больна не Вами»,
Разрушенный мой – замок.
Мой – острог.

В Лувре

На широкой кушетке Лувра
возлегла, приглашая рукой:
ты – художник, а я – натура,
сделай что-нибудь, милый, со мной.
Для любви никогда не надо
выбирать подходящих мест.
Мы одни посредине сада
в пирамиде хрустальных небес.
Пусть шедевры чуть-чуть оттают,
вековую почувствовав связь —
как когда-то, сейчас страдают, —
как когда-то, любят сейчас.
Пусть ворвется в тишайшие залы
выкрик, предвосхитивший шедевр,
когда женщина губы разжала
и дрожит, и тревожит, как нерв.
– Поднимись, – я смеюсь, – опомнись...
Сумасшедшая! Перестань!
– Пусть герои с картин без комплексов
на меня поглядят с холста.
– Поднимайся, – взял за руки, – хватит
повергать залы Лувра в транс.

Уходя, мы отметим:
с симпатией
проводжали картины нас.

Интернат

Суровый отчим —
интернат?
От губ не отлипавший – голод,
Отчаянный девичий мат,
И лапавший под юбкой холод,
И банок выскобленных дно
С домашним маминым вареньем,
Уже доеденным давно,
С подругами по воскресеньям.
Наивный бзик, продать вольфрам
Из выкрученных ламп в подъездах,
Не прилипать к чужим рукам,
В их предложениях скабресных.
И ждать весь день до тошноты,
Когда, придя с работы ночью —
Подруга, принесёт еды,
И курицу жевать с ней молча.
Её – настойчиво: Учись!
Моё – насытившись, я – знаю,
Сквозь слёзы, что ещё лились —
Прошли рефреном через жизнь,
Ни в чём, меня не предавая».

В метро

Когда жизнь отнимает красоту
и сушит кожу, нарушает грацию,
и смельчаки в саду не подожгут,
ломая спички, желтую акацию.

Кто в утешенье освежит гортань
волшебным сном осенних поцелуев?
Все тоньше нить, но все плотнее ткань,
в которую себя я пиленую.

Как – будто плоть
кувшином расколов,
я вылилась, омыв любимых руки...
Как хорошо, безудержно лилось
и, как теперь, протянутые – сухи.

Углей усилием воли не разжечь,
обвитых пеплом, словно сединою.
Одно желанье: обувь снять и лечь —
пусть жизнь, что хочет делает со мною.

Состав летел потемками метро.
«Не прислоняйтесь» – на вагонной двери.
Никто не прислонился к ней – никто, —
пустой, нелепой надписи поверив.

В Писанье душа в сорок дней улетает

Памяти Севе Никитина

В Писанье
душа в сорок дней улетает,
но кто это видел?
И кто это знает?
Порядку привычному
в противовес —
Душа, улетающая,
останется здесь:
здесь дверцу под сердцем
слегка приоткрыв, —
– Прислушайтесь,
голос:
«Не верьте,
я – жив!
Из уст моих
дышит
в морозы
парок.
Я – каждый,
посаженный Таней, цветок,
в сынах и Антоне
есть мне уголок,
в друзьях и родных
буду я, как завет.
А смерти не верьте!
Её просто нет!»

Письма

Перечитывал твои письма:
Жар саван, сквозь житейскую стынь.
«Ты не спас меня». – Ныне и присно.
«И любви не признал», – Аминь.
«Мы теперь по разные стороны
Категорий добра и зла». —
Ты болела, строка со стоном
Вся в испарине, полегла.
«По-над Рузой дожди повиснув,
Заслонили лечебную синь.
Ты не спас меня». – Ныне и присно.
«И любви не принял». Аминь.
«Как ты нужен был мне в тот вечер,
А ты, даже не позвонил».
Жар пройдёт, тебе станет легче,
Утром встанешь полная сил.
Но останутся эти строки,
Чтобы я никогда не забыл,
Мной не выученные уроки,
Той, которую я любил.

Все звёзды потеряем

Когда, вдруг спохватившись, начинаем,
сбиваясь,
звёзды на небе считать,
растерянно как отрок,
понимаем:
где раньше было десять, будет – пять.
Вернись звезда из чёрных дыр вселенной,
из световых, неисчислимых лет!
Но космос расширяется презренный,
к любой мольбе, как будто её нет.
Настанет миг.
все звёзды потеряем.
Погаснет солнце.
В тёмном забыты,
счастливые
в своём непонимании
что нас теперь в пространстве не найти.

Муравей

И. Мандельштаму

Я спал.
Во сне – большая яма.
Карьер.
По осыпи камней,
ползёт фигурка Мандельштама —
спасающийся муравей.
Арест.
Конвой приходит рано,
как зверь за жертвою своей.
Мелькнёт фигурка Мандельштама
из ям карьерных лагерей.
Тревожнее кардиограммы,
строки – судебная скамья:
испепелила Мандельштама,
но не достала муравья.
Он буковкой бежит по строфам,
то здесь за почерком, то – там,
знакомый, огибая профиль
на белом фоне: Мандельштам.

Я виноват

Я – виноват, как лес после дождя.
Как не сутулься и себя не комкай,
С деревьев сыплются за воротник, дрожа,
В листве пригревшись, молнии осколки.

Я – виноват, растерян и незряч,
Гортензией раскидистой, на даче,
Что я, не подал отношений мяч,
Не требовавшей мастерства, подачи,

Что я поверил другу – подлецу
И собственному сердцу – непослушен,
Вёл наши отношения к концу
И отношенья становились – суше.

Ты в этот час, могла меня встряхнуть,
Как на батуте, на обычном слове,
А не искать сторонний, лёгкий путь,
Где хорошо и не каких условий.

Какой бы нас не сёк бытийный град,
Какие б не ласкали упования,
Я перед прошлым виноват,
А не виновны лишь воспоминанья.

Нейтрализуя гнев

Заря гребёт веслом,
плывя по хладным росам.
Туманом занесло,
как поздним снегом озимь.
От дёрна берегов,
волною вглубь уносит:
и тени, и мальков,
весну, зиму и осень.
Кварцитовый гольш
летит, касаясь глади,
как – будто сам летишь
аэропорта кладью.
За чередой молитв
всех атомов и клеток
да будь ты неофит
ты, подчинен сюжету.
И вот светила свет
на семь цветов распался,
встречающий рассвет
бездушным не остался.
Он вздрогнул от озноба
и чувственно прозрел —
заря снимает злобу,
нейтрализуя гнев.

На взлёте

Любите страстно? Прекрасно поёте? —
Вскользь, по касательной счастья зацеп.
Только на взлёте, только на взлёте
рвётся скрежащая времени цепь.

Счастье! Отчёта себе не даёте-
Голод ли мучит, подёнщины плетъ.
Только на взлёте, только на взлёте,
вдруг ощущаете – можно взлететь.

Что происходит? Не осознаёте...
И
будь, что будет,
поздно реветь...
Только на взлёте, только на взлёте-
в злобе своей задыхается смерть.

И отрезвляясь на развороте,
вволю напившись увиденным сном,
вы понимаете: только на взлёте-
кратким явлением счастья живём.

Непостижимости ума

Что значат – сны? Сегодня видел —
всех тех, кого на свете – нет,
в привычном праздничном прикиде,
и прежних лет.

Какою цифровой платой
был образ сохранен в мозгу?
И голоса их – как когда-то,
и тот же – ясный свет в глазу.
Мозг, миллионами нейронов,
придумывая свой сюжет,
неясным следуя законам,
дарил мне сказки прошлых лет?
Во сне – и все живые: были,
меж нами не было препон:
смеялись, пели, говорили,
не помня горечь похорон.

Допустим:
«облачная» паперть,
придумка,
сервис
в интернет.

Как в левой доле мозга – память,
хранит проекцию примет?
О, гениальность воплощения:
иллюзия ночного сна —
скорбящим душам, в утешенье —
непостижимого ума.

Осенний натюрморт

Жёлтый цвет,
изводит изумруд —
Хлорофиллом по холсту стекая,
Буйства лета, сочные, сойдут,
Как на остановке из трамвая.

Дождь, конторским, влажным языком,
Девушкой с почты, клея марку,
Облизал и лес и водоём,
Золотую прилепляя смальту

Ко всему, что под руку пришлось,
Преуспев в шутовых выкрутасах.
Бабушка кладёт кресты всерьёз,
Будто в храме, у иконостаса.

Как печально сладок натюрморт:
С терпким соком – вызревшей рябины,
С пустотою – выкаченных сот,
С шелкопрядной, в росах, паутиной.

Но весной!... С приходом талых вод,
Что хмельны, как молодые вина:
Увлечёт нас шальный хоровод:
Крокусы, подснежники, барвинок.

Светить, увы, не получилось

Светить, увы, не получилось
в моей судьбе твоим очам.
Мы в главном не договорились,
так что ж – теперь – по мелочам.

Снега январские дымились,
влетали в комнаты, урча.
О главном не договорились,
так что ж – теперь – о мелочах.

Порой хотелось память выгрызть,
что мучает, кровотока.
О главном не договорились,
что спорили о мелочах?

Любовь? Была ли? Растворилась
в поспешных клятвах и речах.
О счастье не договорились...
Поговорим о мелочах.

Не оставляй меня одну (романс)

<https://www.youtube.com/watch?v=DhFWvvd09gc>

Не оставляй меня одну
в такую замять ледяную,
я, фотокарточку целую,
тебя губами притяну.
Не оставляй меня одну!

В такую замять ледяную
сковал немилосердно снег
суставы обмелевших рек,
и пешеход бредет вслепую.
В такую замять ледяную.

Я фотокарточку целую,
и глянец мои губы жжет.
Кто б ни был рядом – он не тот,
которого, к другим ревную,
я фотокарточку целую.

Тебя губами притяну
холодными для всех отныне.
К ним примерзает твое имя.
Где б ни был – через всю страну
тебя губами притяну.
Не оставляй меня одну!

Голубая кровь

Я ручку перьевую заряжу
чернилами
и кровь в ней голубая,
сочится там, куда я укажу,
над строчками вперёд не забегая.

Сквозь солнечной артерии нору,
по вздыбленным, отводам и коленам,
кровь мыслью продвигается к перу
с чернилами смешавшись постепенно.

Я донор, для рифмованной строки
при капельном прямом переливанье,
как пчёлы пьют нектар сквозь хоботки,
сосёт строка – настой переживаний.

Мысль изречённая есть – ложь
и мысль
назад, струясь по капиллярам,
по венам продвигается сквозь дрожь,
грозя инфаркта болевым ударом.

Под капельницей утренней зари,
когда она лесной малиной дышит,
поют поэты, словно глухари
и в этот миг опасности не слышат.

Прозрачный колер парафина

Прозрачный колер парафина,
как удушающий лосьон,
на лица заревом жасмина,
до снятия слепка нанесён.

Гипс бликов на вине замешан.
Не видно губ, ноздрей и глаз, —
всё – месиво,
мужчин от женщин
не отличили б мы сейчас.

Здесь копотью свечных огарков
прописывает ночь холсты
и мы стоим под неба аркой,
кладя на грудь крестом персты.

Гипс подсыхает. Можно слепок,
постукивая, приподнять...
Немилосердно и нелепо
себя в себе же не узнать.

Мы у костра всю ночь на стреме.
Быть может, здесь, не при свечах,
с нас четче снимет слепок – время,
под нос ехидное ворча.

Как сель, туман войдет в лощину,
врасплох, росу мяса и гипс,
так, что от женщины мужчину
мы отличим по блеску клипс.

А утром ковш речной излуки,
вдруг, выводя из немоты,
швырнет нам бриллианты в руки
меж пальцев вытекшей воды.

На успокоившейся глади
или на галечнике, дне
из бугорочков и из впадин
увидим там, на глубине:

Лиц отражаемые слепки,
чешуйчатые стайки рыб.
А мы ли это, или предки
не даст понять речная зыбь.

Узнать потомкам нас?
Едва ли.
И в гипсе мы не сохраним
черты, что сердцем сберегали.
Пустые слепки, как пиалы,
испытые лицом чужим.

Я милую мою ревную к прошлому

Я милую мою ревную к прошлому,
как будто знал я всех ее мужчин, —
и тех, с улыбкой изуверски пошлою,
и ласковых, красневших без причин.
Они стоят по сторонам с флажками,
приветствуя нашей судьбы эскорт,
и думают – все то, что между НАМИ,
как между ВАМИ было... и пройдет.
Им, как и мне, твои знакомы руки,
мне, как и им, – раскрытых губ тепло.
Я только вот не знал с тобой разлуки,
и потому мне больше повезло.
Не повезло, вернее подфартило.
Что нам готовит завтрашний чертог?
Вот только бы любви на двух хватило,
явившейся однажды на порог.
Хватило б только сердце пониманья,
а не ума все это понимать,
пройдя сквозь ночи разочарованья,
любимыми друг друга называть.

Общаются души

Общаются души,
тела умирают.
К тому, что снаружи,
глубины вызывают:
– Вас наперечет,
а энергии – бездна.
В ком дух не течет,
тела – бесполезны.
Прощайтесь
с дырявой
и судорожной плотью,
с бездушной шалавой,
в которой живете.
Потрачено время,
что жизнью зовете,
на высевы семя
в промежности плоти.
В оргазме сарказма
исток беспредела.
Когда безобразна
душа, – не до тела.

Дитя подышало, —
стекло отпотело,
от жаркого воздуха тёплого тела
в холодном трамвае.
В ответ подышав,
светилась в троллейбусе чья-то душа.

Иное время

Что нам с тобою помешало
ИНОЕ ВРЕМЯ обрести:
чтоб чувств оно не расплескало,
не сбило с верного пути.
Ты по лыжне за мной бежала
и лыжа, соскользнув твоя
стрелою в наледи застряла
большую – малую лова.
Когда на мягкий снег упала,
накрыв собою циферблат,
то стрелки лыж перемещала —
растерянно и наугад.
Мы, времени с тобой не знали,
живя минутою любой,
а шестерёнки не совпали —
одна с другой, одна с другой.

По жёлтым тропам перевитых труб

(романс)

(<https://youtu.be/SPDJ-W37Zhl>)

Когда в твои ладони кто-то вложит
букет цветов, то помни наперёд:
прискачет Гек, моя гнедая лошадь
и тёплыми губами их сомнёт.

Он Теберду оставит и прискачет
по жёлтым топам перевитых струн —
пусть конюх на прокатном пункте плачет
и причитает: «Ах, какой скакун!»

Мой Гек, сжуёт поспешные растения
сомнения твои испепеля.
Он выплывет из глубины забвенья,
где мы друг друга любим – ты и я.

И снег не выпадет пока

И снег не выпадет,
пока
я к этому не подготовлюсь:
не выплеснут седую порось
ни ветер и ни облака.

Друг не предаст меня,
пока
я к этому не подготовлюсь:
его замучила бы совесть, —
не мог я так любить врага.

И жизнь не кончится,
пока
я к этому не подготовлюсь...
Пока в рифмованную повесть
не ляжет вечности строка.

Снег выпал утром.
В полдень
я узнал,
что предал друг... —
мучительная новость.
Не страшно мне, —
я не закончил повесть, —
мне страшно,
как я долго умирал.

Любовь и ад

– Зачем задвигать эти плотные шторы?
Никто не увидит.
– Я свет не люблю...
Но страсть прогнала наших губ разговоры,
лишь только ты сбросила блузку свою.
Щечка, мурашки свершали молебн,
и великолепен был запах «Камю»,
остыл в керамическом блюдечке пепел
сердец, сигарет?
У стола на краю.
Какое бесстыдство
всем телом светиться!
Луна рукавицей прикрыла лобок.
Что в сердце твоём, дорогая, творится?
И что там за птица
из-под рукавицы
никак не покажет свой алый роток?
Вкруг тени закружат
бумажной гирляндой,
нарядны
от бликов густых ночника.
И встретиться очень стесняются
взгляды.
– Будь первой, – я выдавил в темень,
– рука.
Движенью
была ты послушна
любому,
чтоб лону
я мог поцелуи послать.
Так вот почему мы привязаны к дому:
здесь женщина, пища и к ночи кровать.
– Кто выдумал «это», —
любимой на ухо
шепнул я,
и глухо пронзила тоска:
в объятьях со мною лежала старуха.
– Ты – смерть!
– Нет, любимый мой.
– Наверняка!
Ты – смерть! Так при жизни в любовь
не играют.
Ты – смерть, а со смертью в обнимку
не спят.
...Оделась и дверь за собой прикрывает...

В притворе, я видел —
знакомый мне – взгляд:
Одной из, следящих за мною, наяд.

Голос

Посвящается Андрею Вознесенскому

Поэты московских околиц,
«Мозаики», влюбчивых школьниц,
свой строили неф и портал.
На голос шли.
Голос... пропал.
Он вёл нас пустыней «застоя»
с молитвою огненной – «Гойя»,
метафорой – наповал.
На голос шли.
Голос... пропал.
И хрипло
как треснувший полоз,
и тоньше, чем рвущийся волос,
(-Вы слышали, что Он сказал?)
– ВОСКРЕСНУ Я!
Голос... пропал.

Ты под кого-то, лезвием в нож

Ты под кого-то, лезвием в нож,
ляжешь безропотно, веки сомкнёшь
и, как в морозы, через прищур
выступят слезы, горше микстур.
Кофту накинешь, юбку поправишь,
пьяную чью-то, сплюнешь слюну.
Делаешь вид, что не понимаешь,
как постепенно уходишь ко дну.
Вот она – тинной прикрытая бездна,
вот она – скользкая липкая цвель.
Думала в жизни быть чем-то полезной —
предана цель.
Не обвиняю,
не обвиняю.
Я лишь пытаюсь – руку подать.
Выскользни,
вырвись —
из под – негодяев
и постарайся
на ноги встать.

Блудный сын

Я блудный сын поэзии-
жизнь ярче, чем стихи,
спасительней магнезии,
бурлящий хмель стихий.
Понять картину – Мира,
принять его закон —
пространственный континуум
растерзанных времён.
Отведать сочной ясности
из «кротовой норы»,
влеченья к сингулярности —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.